

ИНОГДА МНЕ КАЖЕТСЯ, что памятники, смирно стоявшие на площадях и перекрёстках, ожили и двинулись на войну. На идеологическую, информационную. Смысловую. Вы прислушались ночью: не слышно ли, как шагают бронзовые истуканы?

Идут на войну бок о бок. Грозный царь Иван Васильевич, точно простой стрелец, с бердышом на спине и мечом на боку, и Государь Император Александр III, вооружённый, как Его пехотинцы, мосинской винтовкой. Идут на штурм Стены Скорби, что поставили супостаты, чтоб унизить, ослабить, оплевать в очередной раз русский народ и его прошлое. Чтоб враги нашего государства числились невинными жертвами — вот для чего поставлена та стена. Не ради же невинных жертв, на которых строителям-устроителям наплевать с самой высокой точки этой самой стены. А может, рядом с Иваном Грозным идёт не менее грозный Дзержинский в длиннополой шинели, сжимая в руке маузер. А памятник Александру III просто ещё не дошёл из Крыма: ведь его открыли только на днях.

Сейчас Александра III очень продвигают: его фраза насчёт армии и флота как единственных союзников России одна из самых цитируемых.

Недавно показали документальный фильм про Александра III и его эпоху, полный восхищения, и справедливого. При Царе-Миротворце под рукой государства развивалась тяжёлая промышленность, военная в первую очередь. И вовсе не потому, что царь был тайным социалистом, а просто потому, что иначе у нас в России не получается. Мы помним по фильмам инженеров царского времени в казённой униформе, в специальной инженерской фуражке, которую они носили с гордостью. И сделали эти люди, действительно, много. Именно при Александре III была построена Транссибирская железная дорога, множество заводов. Строились корабли, развивалась техника, трудились Менделеев, Толстой. Царь поощрял науки и искусства, при нём открылся Исторический музей в Москве. С его эпохой прочно связан русский стиль в архитектуре — напоминающий боарский терем.

Меж тем, этот царь вошёл в историю как гонитель и душитель свобод, а его время — как "реакция". Так мы проходили в школе.

Это — точка зрения "прогрессивной" фрондирующей интеллигенции, которой дороже всех трансибирских магистралей свобода беспечной и безответственной антигосударственной болтовни. В сущности, вся история, как мы её изучали при советской власти, написана если не целиком с точки зрения этих разрушительно-безответственных болтунов, то, во всяком случае, под их определяющим влиянием. Это были интеллигенты — природные антигосударственники, духовные предки современного "креативного класса". Это люди, которые кричат о правах, не научившись исполнять обязанности, и вообще мало чему научившиеся. "Людьми безответственной мысли" были названы они в знаменитом сборнике "Вехи" по итогам первой русской революции. Но это — позже. И, к большому несчастью для нашего народа, именно люди этого типа преимущественно пишут у нас историю.

Очень показателен установившийся взгляд на обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева. От его многообразной деятельности, пришедшей на эпоху Александра III, в общепринятом обиходе сохранилась лишь фраза Блока: "Победоносцев над Россией простёр совиные крыла". Трудно спорить с поэтическими фразами и коммерческими слоганами, но помимо простирания крыл он организовал в России систему церковно-приходских школ, соединявших твёрдое начальное образование со столь же твёрдым нравственно-религиозным воспитанием. Нам бы так!

Врожденная, прямо-таки генетическая антигосударственность нашей интеллигенции — огромная беда нашего народа. Наше умственное сословие всегда органически не понимало ценности государства в устроении жизни. Правда, тогдашние наивные и искренне верящие в свои утопии интеллигенты отличались от нынешнего креативного класса. Этой самой искренностью и отличались. Нынешние либеральные "опиный лидеры" — в духе времени, абсолютно циничны. Но антигосударственный, в сущности — антироссийский пафос наша интеллигенция пронесла, не расслеская, сквозь века, войны и революции. Этот антигосударственный взгляд зря ещё хранит мас-совая, низовая интеллигенция: школьные учителя, вузовские преподаватели.

Насколько ввёвшийся взгляд антиросийский — это особенно хорошо видно на примере Александра III: если сравнить реальные дела и репутацию. Хорошо, что ему поставили памятник, и хорошо, что открыл его президент.

Но президент открывал и стену плача. Антиросийского плача "креативных". По-хоже, у нас соблюдается равновесие: на один антиросийский памятник нужен один пророссийский. Понять можно: президент хочет быть президентом всех — и тех, и этих, никого не обидеть и не отравить накануне выборов. Однако, решая симулинутые вопросы, такая позиция, как всякое вилание, лишена перспективы. Уж не говорю "исторической" — хоть какой-нибудь. При таком подходе патристическая идеология становится чем-то вроде увлечения на досуге или кружка по интересам — одного из многих. В войне памятников, мне кажется, государство должно встать на определённую сторону. На государственную.

Татьяна ВОЕВОДИНА

ФОНД ПОДДЕРЖКИ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКИХ ИНИЦИАТИВ "ОСНОВАНИЕ"

ИНН 7838290893
КПП 783801001
ОГРН 1137800008015
ОКПО 56273690
ОКВЭД 73.20 научные исследования и разработки в области общественных и гуманитарных наук
r/c 40703810090270000027
Дополнительный офис "Приморский" ОАО "Банк "Санкт-Петербург"
К/сч 3010181090000000790
БИК 044030790

Президент — АНПИЛОГОВ Алексей Евгеньевич.
Назначение платежа: "На уставную деятельность".
Благодарим всех за поддержку!

НА ДАЛЬНИХ БЕРЕГАХ ШТРИХИ К БИОГРАФИИ РАЗВЕДЧИКА БАТУРИНА

"Только что нам тревожиться, если Наши зубы, как пена, белы? И качаются наши песни От Баку до Махачкалы..."

Борис КОРНИЛОВ

МИХАИЛ БАТУРИН родился 6 ноября 1904 года в Таганроге, но уже в 1913 году семья переехала на заработки в Баку, который встретил удушливым запахом нефти, дымом и колючью нефтеперегонных заводов. Стояла невыносимая жара, горячий ветер гонял по улицам клубы пыли. Вскоре началась Первая мировая война, которая принесла переполненные госпитали, острую нехватку продовольствия и рост цен. Оставшиеся без кормильцев женщины подняли "бабий бунт", стали громить магазины, воздух сотрясали возгласы "Хлеба!", "Долой войну!". Забастовали рабочие нефтепромыслов и нефтеперегонных заводов. А 2 марта 1917 года, в день отречения царя, над городом разнеслось многоголосие заводских и пароходных гудков. На улицы высыпали толпы людей с флагами, они обнимались и поздравляли друг друга. Вооружённые отряды громили полицейские участки, освобождали из тюрем политзаключённых. В ходе последовавшей Октябрьской революции Бакинский Совет по инициативе Бакинского комитета большевиков первым в Закавказье вынес постановление о переходе власти в руки Совета. Против выступили местные буржуазные националисты в лице партии Мусават, которые 30 марта 1918 года подняли в Баку антисоветский мятеж. В ответ 25 апреля на заседании Бакинского Совета был образован Бакинский Совет Народных Комиссаров (СНК), вошедший в историю под названием Бакинской Коммуны. Термин "коммуна" восходит к примеру Парижа 1871 года ("Парижская коммуна") и означает диктатуру пролетариата в местном масштабе, но в союзе со всей Россией, которая в условиях экономической блокады остро нуждалась в бакинской нефти. Были изданы декреты о национализации нефтяной промышленности, 80% которой до революции принадлежало иностранным компаниям, а также банков, Каспийского торгового флота, о реформе судебных учреждений, конфискации беко-ханских земель и передаче их крестьянам. Со своей стороны, мусаватисты провозгласили 28 мая в Тифлисе Азербайджанскую Демократическую Республику, которая 4 июня заключила договор с Турцией. На основе этого договора турки при поддержке Германии направили в Баку Кавказскую исламскую армию под командованием генерала Нури-паши. Развернулась борьба за бакинскую нефть. 19 июля в Баку из Царицына по приказу Ленина прибыл хорошо вооружённый отряд Григория Петрова в составе эскадрона конницы, роты матросов, команды конных разведчиков и батареи шестирядиного состава. Но когда турки приблизились к Баку, правые эсеры, меньшевики и армянские социалисты (дашнаки) 25 июля на чрезвычайном заседании Бакинского Совета провели резолюцию "О приглашении в Баку англичан", находившихся в иранском порту Энгели. Это был чистой воды удар в спину — четверть флотских большевиков находилась в войсках — и 31 июля 1918 года Бакинская Коммуна после 97 дней героической борьбы пала. 4 августа 1918 года Баку был оккупирован английскими войсками из состава экспедиционного корпуса генерал-майора Лиюнеля Денстервиль, которые, однако, вскоре бежали, и 15 сентября в город вошла исламская армия Нури-паши. Бакинские комиссары, в том числе Степан Шаумян, Прокофий Джикаридзе, а также Григорий Петров, попытались уйти морем в Астрахань, но были остановлены англичанами и их приспешниками и расстреляны в закаспийских песках. Вместе с ним расстреляли и охранников Шаумяна и Джикаридзе — Ираклия Метаксу и Ивана Николაишвили, которых хорошо знал Миша Батурин.

Дело в том, что наш герой, которому тогда не было и 14 лет, успел стать порученцем самого Прокофия Апраксионовича Джикаридзе — комиссара внутренних дел и одновременно продовольствия Бакинской Коммуны. Миша окончил начальное училище именно в тот день 28 мая, когда в Тифлисе была провозглашена Азербайджанская республика и турки при поддержке немцев начали поход за бакинской нефтью. И хотя отец хотел, чтобы Миша и его брат продолжили учиться, брат сказал: "А где учиться? Идёт война. Надо защищать город".

На следующий день Миша с братом вступили в Красную гвардию. Брату выдали винтовку, удостоверение и послали патрулировать город. А Мишу с запиской отправили в Совнарком, где он стал порученцем 38-летнего наркома Джикаридзе. На выданном из школьной тетрадки листке Джикаридзе выписал Мише удостоверение: "Сбегай-ка, земляк, в Совет, отнеси этот пакет, возьми расписку и через час будё здесь".

В секретариате Бакинского Совета пакет у Миши принял молодой человек в студенческой туркюрке. "А расписка?" — спросил Миша.

"Студент", как окрестил его про себя Миша, вздохнул и написал на клочке бумаги: "Пакет принял сотрудник секретариата Бакосвета Лаврентий Берия". Затем расписался, поставил дату и время...

Когда над комиссарами нависла смертельная угроза, и они попытались уйти в Астрахань, Миша находился на пароходе "Туркмен" вместе с Джикаридзе. Здесь же был и Анастас Микоян. Однако вместо Астрахани их привезли в Красноводск. Впоследствии Михаил Батурин вспоминал: "Джикаридзе сказал мне: "Дело плохо. При первой же возможности уходи с парохода. И друзьям скажи". Я послушался, и мы с товарищами ночью покинули пароход вплава. Кто не ушёл — погиб".

После восстановления Советской власти в Закавказье, в сентябре 1920 года останки бакинских комиссаров были перевезены в Баку и торжественно захоронены на Площади 26 бакинских комиссаров. В 1958 году здесь был установлен памятник, который был демонтирован азербайджанцами 12 января 2009 года. При перезахоронении на скелетах были обнаружены многочисленные повреждения от огнестрельного оружия двух типов.

Почти месяц добирался Миша до Баку, нанявшись матросом на небольшое судно. Дома его уже не чаали увидеть в живых. Тем временем англичане разбили турок в Палестине и открыли себе путь к Дамаску, Алеппо и далее в Северную Сирию. 30 октября 1918 года в Мудросе было подписано перемирие, по которому Англия становилась полновластной хозяйкой на всём Ближнем Востоке. 17 ноября Кавказская исламская армия Нури-паши оставила Баку, и туда снова вошли англичане. Кроме Баку англичане заняли Батум, захватили все торговые суда Каспийского флота, Закавказскую железную дорогу и начали отправлять нефть через Батум в Великобританию.

С севера англичанам помогла Добровольческая армия Деникина, при ставке которой постоянно находились английские военные представители — до февраля 1919 года генерал Пульс, затем генерал Бриггс и уже при передаче командования барону Врангелю — генерал Хольман. В свою очередь, в Баку у англичан находились представители Деникина генерал Арногсфен, так что взаимоотношения были самыми союзническими.

Но борьба продолжалась. 6 мая 1919 года бакинские рабочие объявили забастовку пол лозунгом "Да здравствует Советская Россия!" Они выступили одновременно и против англичан, и против деникинщины. Михаил, который несмотря на свои 14 лет мучал не по годам — война, кровь, страдания людей, голод, оккупанты — вновь в первых рядах демонстрантов, рядом с Анастасом Микояном, которого в очередной раз арестовывают. Но рабочие создают новый комитет. Большевики вооружали рабочих и готовили боевые дружины. В апреле 1920 года Азревком послал телеграмму Ленину с просьбой о помощи, и 25 апреля Реввоенсовет направляет в Баку 11-ю армию. 28 апреля в 4 часа утра в Баку прибыл бронепоезд "III Интернационал", а 1 мая в Бакинскую

бухту вошли эсминцы Волжско-Каспийской флотилии. И нефть пошла в Советскую Россию.

*Нас на грешной земле качало,
Нас качало в туманной мгле.
Как-ка в море берёт начало,
А кончается на земле.*

Михаил объявил родным, что уходит в Красную Армию. Он стал красноармейцем 283-го полка 32-й дивизии 11-й армии. Бои шли непрерывные: голову поднимали то англичане, оставшиеся в Батумской области, то недобитые деникинцы, то исламисты Нури-паши. Однажды Михаила попросили зайти в штаб, и он поном чекистам, которые проводили свою операцию. Они были в чёрных кожанках, перекрещенных ремнями, на одном боку — наганы, на другом — полевые сумки, у всех — солдатские фуражки со звездой. Миша услышал их разговор и, зная местные условия, что-то подсказал. Совет им понравился, и его спросили: "Хочешь работать у нас?". Так Михаил Батурин стал чекистом.

Михаила назначили в Особый отдел 11-й армии, а в апреле 1921 года перевели в Особый отдел 1-го Кавказского корпуса. Когда Михаил прибыл в АзЧК за назначением, показал пропуск и предписание дежурному, то в ответ услышал: "К товарищу Берия, в СОЧ".

Секретно-оперативная часть (СОЧ) занималась охраной границы оперативными средствами и располагала, во взаимодействии с контрразведкой КРО, сетью осведомителей. Ей было известно, что в Ленкоранском уезде в территории Персии действовали банды крупных землевладельцев. Они получали деньги от англичан, которые вынашивали планы поднять восстание и присоединить этот район к Персии. Задача Михаила была познакомиться с обстановкой, местностью, завязать контакты с людьми. Но главное — искать пути на ту сторону, установить английских разведчиков и их агентов. А это старая опытная секретная служба, и начинающему контрразведчику тягаться с ней непросто. Но всё же чекисты смогли подготовиться к вторжению банд.

Михаил приобрел опыт оперативной работы. Пули щадили его — единственное ранение он получил в бою от осколка гранаты. В 1929 году он оканчивает Высшую пограничную школу ОГПУ и направляется сначала в СОЧ 37-го Батумского погранотряда на турецкую границу, а в 1931 году — в разведотделение Управления пограничных войск Закавказского ГПУ в Тифлисе, где ему разъяснили задачу: "Пограничная разведка должна вскрывать подготовку разведорганами сопредельных стран агентуры для переброски в нашу страну, устанавливать участки и время переброски, характер заданий... Разведка пограничных войск должна добывать и данные военного характера, чтобы командование знало о намерениях противника". Его работой остались довольны: в 1932 году Коллеия ОГПУ СССР наградила Батурина именным оружием, а затем награудным знаком "ВЧК—ГПУ, 1917-1932" (Почётный чекист) — этим знаком было награждено в общей сложности порядка 800 человек.

Но судьбе было угодно, чтобы свою пограничную эпопею Михаил Батурин завершил в родном Баку, куда в 1935 году был направлен начальником Отдельного Бакинского морского контрольно-пропускного пункта (ОБМКПП).

*Я стою один, успокоясь,
Я наשמیلو чуюро глаз:
Мне Каспийское море по пояс,
Нипочём, уверяю вас!*

В 1937 году Михаила Матвеевича Батурина направляют на учёбу в Москву в Институт востоковедения им. Нариманова, в турецкий сектор Особого факультета, а в 1939 году переводят в 5-й отдел ГУГБ НКВД СССР — во внешнюю разведку.

С 1940 года он становится резидентом в Анкаре, затем заместителем резидента в Стамбуле, а в мае 1942 года — главным резидентом НКВД СССР в Турции под фамилией Бакланов и под прикрытием должности заместителя торгового представителя СССР. Он внёс немалый вклад в срывы планов Турции по вступлению в войну на стороне Германии и лично завербовал девять ценных агентов (среди них был даже один немецкий дипломат). Вернувшись в Москву в 1947 году, Михаил Матвеевич был назначен начальником отдела Управления нелегальной разведки и одновременно начальником контрразведывательного факультета Высшей разведывательной школы. Я решил поговорить о разведчике с его сыном, лётчиком-космонавтом, Героем России, в 1990-е годы помощником президента России по национальной безопасности, членом-корреспондентом РАН Юрием Михайловичем Батуриным, с которым мы встретились в небольшом кафе в центре Москвы в преддверии дня рождения его отца и празднования столетия Октября.

"ЗАВТРА". Юрий Михайлович, ваш отец пришёл в разведку в 1939 году. Обычно считается, что в это время разведка была "выкошена" Сталиным и срочно восполняли недостающие кадры. Состав разведки, действительно, поменялся. Но означает ли это, что она была ослаблена? Может быть, "коминтерновские" кадры уже не соответствовали новым задачам?

Юрий БАТУРИН. Не могу утверждать, что новые кадры набирали в связи со сменой задач. В разведке всегда нужны новые кадры. В какой-то момент старые могут быть раскрыты, причём целиком резидентурами. А подготовленных людей в то время было не так много — и их бросали то в Китай, то в Германию, где был жёсткий контрразведывательный режим, и людей всё равно раскрывали. Восполнить это можно было только подбором толковых людей, которые не ходили по коридорам Лубянки здесь, в Москве. С другой стороны, отец всегда хотел учиться. Кстати, он хотел изучать фарси с прицелом на Иран. Но ему ответили: ты уже практически говоришь, жил в Азербайджане, просто тебе нужно поставить правильных турецкий. Так что одновременно сработали разнородные факторы.

"ЗАВТРА". Нужно признать, что пришедшая в 1938-39 годах новая плеяда разведчиков под руководством Фитина, Судоплатова и Эйтингмана внесла колоссальный вклад в Победу не только в Великой Отечественной, но и в "холодной" войне. Но всё же во главе этой плеяды стоял Берия, начавшийся на Кавказе. И Пётр Васильевич Фелотов, возглавивший в 1938 году контрразведку, тоже начинал на Кавказе. Не означает ли это, что и ваш отец пришёл в составе "кавказской группы"?

Юрий БАТУРИН. Относительно Берия могу сказать, что отец его видел. Первый раз совсем подростком, сейчас я об этом рассказжу, затем когда был порученцем у Джикаридзе. Тогда он, конечно, Берию запомнил. Потом ещё раз, когда в первые дни своей службы привёз пакет в АзЧК. (Отец рассказывал, что только потом, когда набрался опыта, понял, что в том пакете была просьба установить его семью, связи и дать справку). Затем их пути надолго разошлись. Более того — и этого нет в моей книге "Досье разведчика" — ещё раньше, до революции, Берия ухаживал за старшей сестрой отца. Её звали Вера. Об этом мне рассказали позднее, после выхода книги. Точнее, он пытался за ней ухаживать, но получил от ворот поворот. Поэтому какое-то воспоминание, скорее негативное, у него могло быть. Это факт. Но, видимо, не возникло, коль скоро отец продолжил службу. А при других обстоятельствах он мог бы стать моим родственником. Но у Веры тогда уже был жених, и она Берию сразу отвергла.

Товарищи-друзья по учёбе в Высшей Пограничной Школе ОГПУ, снимок 1929 года (Михаил БАТУРИН — в первом ряду справа)

"ЗАВТРА". И как это он потом, в годы репрессий, не расстрелял и её, и Михаила, и их младшего брата Сашу, который всё же был арестован и попал в лагерь? Если придерживаться "мемориальной" логики, это было совершенно неизбежно. А он не только не расстрелял их, но и помог снять необоснованные обвинения с Александра, за которого просил Михаил Матвеевич перед отъездом в Турцию. С другой стороны, ведь вся внешняя разведка — 5-й отдел ГУГБ НКВД — была невелика, порядка 450 сотрудников, включая заграничный аппарат. Из них в 1937-1938 годах было уволено, нередко с последующим арестом и расстрелом, 275 человек. Таким образом, если говорить о новом "бериевском" наборе, то речь шла о нескольких сотнях человек. И Берия, обладавший феноменальной памятью, наверняка знал каждого.

Юрий БАТУРИН. Я, конечно, не могу утверждать, но, наверное, он посмотрел их дела — что-то вспомнилось из молодости. И сыграло свою роль — возможно, даже положительно. К тому же у отца был огромный опыт. Он поработал в отделе военной контрразведки, а затем в пограничной разведке. В Пограничной академии ФСБ, предшественницей которой была Высшая пограншкола ОГПУ, — в экспозиции их музея представлен и отец — при обсуждении книги особо отметили, что в ней рассказывается и о пограничной разведке — теме, мало раскрытой в литературе. И когда он уже работал в Турции, контрразведывательный опыт сыграл большую роль, потому что он видел систему конспирации, организацию получения и передачи информации глазами не только разведчика, но и контрразведчика. Он очень тщательно изучил турецкую контрразведку и перестроил всю работу резидентуры — я читал некоторые его доклады. Отец очень гордился тем, что за время работы за кордоном не потерял ни одного помощника. Более того, некоторые из них там ещё долго работали после его отъезда из страны.

"ЗАВТРА". Всё это свидетельствует о высочайшем уровне Берия в подборе кадров.

Юрий БАТУРИН. Безусловно. Причём в очень сжатые сроки. Например, Фитин стал руководителем разведки, не проработав в ней и года. То же самое отец — за год он вырос до резидента. А Лягин, Квансиков, Молодцов, Кузнецов, Кудря? Всё это попадания в "деятку".

"ЗАВТРА". Хотелось бы выделить в судьбе вашего отца тот факт, что он причастен к подвигу 26 Бакинских комиссаров. И пусть сейчас известно, что среди расстрелянных не все были комиссарами, что туда попали и их охранники — но это яркая страница нашей истории, как и подвиг 28 Панфиловцев. Вспомнил ли Михаил Матвеевич об этом в разговорах с вами?

Юрий БАТУРИН. Да, на него огромное впечатление произвела личность Джикаридзе. Отец обращал моё внимание на отношение Джикаридзе к людям, с которыми тот работал. Он ощущал свою ответственность перед ними и заботился об их судьбе. Если бы Джикаридзе не приказал ему бежать с парохода и забрать товарищей, то они оказались бы среди расстрелянных. И отец на всю жизнь запомнил, что в юности ему спас жизнь человек, который был его руководителем. Это был урок, как нужно относиться к своим помощникам. И отец так же относился к тем, с кем работал. Он гордился не столько тем, что добыл какие-то секреты, а тем, что никого не потерял. Отца даже раздражало слово "агент". Он говорил: "Ну, какой агент? Помощник". Понятие "агент" применимо к деловым отношениям, к которым работа чекиста не сводится. Чекиста отличает забота о своих помощниках.

"ЗАВТРА". И в продолжение темы формирования личности разведчика. В своей книге вы пишете, что когда Михаил Матвеевич пришёл в разведку, его готовил Сергей Михайлович. Возможно, это Шпигельглас. В какой-то момент Сергей Михайлович произносит потрясающие слова о сути работы разведчика. Вот они: "... Разведка — это образ жизни, образ мышления, в конце концов — судьба. Прикажут — и вы забудете своё имя, станете другим человеком. Встретите старого товарища и скажете ему: "Извините, мы с вами незнакомы". Захотите жениться и будете долго ждать разрешения, но не факт, что получите. А может быть, вам назначат жену. Иногда вы будете замечать, что за вами следят (я имею в виду не за кордоном, а здесь в Москве)... У вас будет мало друзей, гораздо меньше, чем вам бы хотелось. У вас будут проблемы с родственниками, которые знакомятся, женятся, живут и работают так, как сами считают нужным. Кстати, они не будут знать того, где вы работаете. А тех, кто будет знать, вы сами перечислите, и их список будет в вашем личном деле. Разумеется, они будут под особым присмотром. Вы перестанете верить даже близким людям и будете обихать их подозрительно просто автоматически, по профессиональной привычке. Вы будете проверять и перепроверять всё, забыв, что такое верить. И всё это только для того, чтобы однажды, ну, может быть, дважды добыть действительно важные сведения, которые в трудную минуту помогут нашей стране. О судьбе других ваших сообщений вы сможете только догадываться. Вы будете уезжать на годы и, возвращаясь, не узнавая своей страны. Те, кто был младше по званию, за это время станут начальниками и будут снисходительно похлопывать вас по плечу. Вы

увидите, что вас награждают, но не доверяют. Вы столкнётесь и с героизмом, и с подлостью, и с предательством. А когда действительно наберётся большого опыта и захотите отдать свои знания государству, окажется, что вы государству не нужны. Впрочем, не стоит забегать так далеко вперед. Мы долго не живём..."

Юрий БАТУРИН. Заканчивая школу, я как-то завёл с ним разговор о будущей работе и прямо сказал, что хотел бы пойти по его стопам. Он посадил меня перед собой и дал запомнившийся мне на всю жизнь урок, фрагмент которого я изложил в книге практически дословно. Только он называл меня на "ты", а не на "вы". И в книге я вложил его слова в уста Сергея Михайловича, о котором отец упоминал, не называя фамилии. Эти слова отец говорил мне. Видимо, так же честно он обращался и к своим помощникам. Недавно на меня вышел венгр, сын супружеской четы, которая в своё время в Турции помогла отцу раскрыть отдельные переговоры Венгрии о выходе из войны. Когда его мать умерла, она оставила сыну записку со словами: "Миша Бакланов". И добавила: это единственный человек, которому можно полностью доверять. Лишь гораздо позднее он натолкнулся в интернете на фрагмент моей книги и понял, что Бакланов — это Михаил Матвеевич Батурин, советский разведчик.

"ЗАВТРА". А насколько серьёзными были эти переговоры венгров с англичанами?

Юрий БАТУРИН. Очень серьёзные. Не менее серьёзными, чем те, которые вёл в Швейцарии Даллес.

"ЗАВТРА". А задача вступления Турции в войну, которую решали Германия с одной стороны, а СССР и союзники — с другой?

Юрий БАТУРИН. Вы правы. Лишь перед самым концом войны союзники решили эту задачу. Турецкая дипломатия отличалась высочайшим уровнем. Но информация обо всех её маневрах всё равно попадала в Москву. У меня осталась масса материала после публикации первой книги, особенно о работе дипломатов, и я сейчас заканчиваю вторую под названием "Анкара-1942".

"ЗАВТРА". В заключение интересно было бы услышать о причинах, побудивших Михаила Матвеевича уйти из разведки, можно сказать, в расцвете карьеры. Что он сам об этом говорил? Здесь мы, очевидно, вновь возвращаемся к теме Берия — ведь ваш отец, что ни говори, был из его "команды", как и Эйтингон, Судоплатов, Мордвинов, Воскресенская, Зарубини, Серебрянский, Фитин и остальные, репрессированные или уволенные.

Юрий БАТУРИН. Хочу отметить, что при Берия отец в Москве работал недолго. Накануне войны он быстро, через год, уехал за кордон. За время войны получил второй знак "Почётный чекист" и немало для разведчика орденов. Вернулся только в 1947 году, и через некоторое время его перевели в нелегальную разведку. Именно он готовил супругов Филоненко. И, как я понимаю, сам тоже хотел уехать нелегалом. Мне рассказывала мама, что он и её хотел сделать разведчицей, чтобы поехать вместе, семейной парой, практически уже определил её на подготовку. И если бы отцу не подсказал сослуживец и хороший товарищ, что на него "готовят материал", то, возможно, они бы куда-то уехали, и моя судьба была тоже другой. Когда он несколько лет после возвращения поработал здесь, в стране, то понял, что ему совсем не нравится то, что происходит. И ещё меньше ему нравилось, что его когда-нибудь посчитают причастным к происходившему. Политическая борьба обострялась, вперёд вырывался украинский клан Хрущёва. Сотрудники неминуемо втягивались в политику, а отец всегда её сторонился. Вначале отец хотел уехать, чтобы переждать за кордоном, занимаясь оперативной работой. Когда это не получилось, он имитировал травму ноги и какое-то время ходил с палочкой. Я сам читал в его личном деле рапорт, в котором он просился в отставку по состоянию здоровья. А врач заключает, что отец совершенно здоров и просто не хочет выполнять работу — это я тоже прочитал в деле. Рапорт отца и доклад врача интерпретировали так — и это тоже есть в документах, — что он "не хочет делиться с молодыми сотрудниками своим богатым опытом". А у меня сложилось ощущение, что он просто не хотел ввязываться молодых сотрудников в дела, которые им бы потом повредили. Друг отца, контр-адмирал Родионов, работавший с ним в Турции по линии ГРУ, сказал ему: "Уезжал бы ты, Миша, в длительную командировку. Для нынешних мы — динозавры, и здесь уже никому не нужны..."

Но проходят годы, и такие "динозавры" становятся легендой, наполняя сердца новых поколений каждой неизведанного и романтической борьбы. Ведь "бойцов не редает строй — должен у сын героем стать, если отец герой". Прозвучанием Юрия Михайловича Батурина стал космос. Неизвестно, уеъз ли он с собой на космодром ордена отца, как об этом пела Майя Кристалинская, но семейные традиции он не только продолжил, но и приумножил. И, возможно, именно из космоса ему по-новому открылся путь семьи Батуриных, начавшийся в далекие двадцатье годы там, где "качаясь, бегут валы от Баку до Махачкалы".

Материал подготовил Андрей ВЕДЯЕВ

Главный редактор
Александр ПРОХАНОВ

Газета "ЗАВТРА" зарегистрирована Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ № ФС 77-21122 от 24 октября 2005 года.
Учредитель и издатель — ООО "Редакция газеты-еженедельника "Завтра" (119146, г.Москва, Фрунзенская наб., 18, пом. VII).

Адрес редакции: 119146, г. Москва, Фрунзенская наб., 18, пом. VII.
E-mail: zavtra@zavtra.ru ЭЛЕКТРОННАЯ ВЕРСИЯ: <http://zavtra.ru/>
Служба распространения: (499) 246-88-52 (т/ф). Служба рекламы: (903) 131-53-97.
Отпечатано в АО "Красная Звезда" (123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38, тел.: (495) 941-28-62, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62, [http:// www.redstarph.ru](http://www.redstarph.ru), e-mail: kr_zvezda@mail.ru).